

воспроизводство – «подготовку кадров», которые, как известно, «решают все». Как при этом трансформировалось творчество, что стало с проектированием как методом и технологией, что начало считаться объектом архитектурой и градостроительной работы – все эти и многие другие вопросы получили в работах Марка Григорьевича яркую и убедительную оценку, системную характеристику. Такая постановка вопросов позволила Марку Григорьевичу и тем, кто разделял его видение, выдвигать связную систему требований к новой, актуальной форме организации образования, науки, знания, взаимодействия профессии с обществом и властью – новую систему архитектурной деятельности. Новый организационно-деятельностный проект. Он не успел получить явного воплощения, смерть прервала работу, но его согласованные между собой черты очевидны, они осуществлялись в широкой общественной и профессиональной деятельности Марка Григорьевича.

В завершение сказанного хочу поблагодарить Е. Ю. Багину за смелость и точность формулировок; ей удалось, можно даже сказать, пришлось назвать своим именем ту парадигматическую основу трудов М. Мееровича, о которой все, кто хорошо знал его, имели представление, которая не была секретом, но как-то не выступала на передний план, предоставляя это право результатам исследования – интеллектуальной продукции, приготовленной на методологической «печи». Не выступала, возможно, в силу сравнения с манерой позиционировать себя другими представителями СМД-традиции, которые не могут слова сказать без цитаты «классиков», без натужной схематизации и без выстраивания самоопределения к актуальному отрезку «малой истории кружка». М. Г. Меерович как натура многогранная дистанцировался от такого, ему это было не нужно. У Марка история была с собой; он сам ее строил. И он вошел в Историю.

Марк Меерович и СМД-методология / Mark Meerovich and SMD Methodology

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

В своей статье, посвященной памяти Марка Мееровича, Е. Багина выдвигает тезис о близости работ Мееровича идеям СМД-методологии Г. П. Щедровицкого. Мне и хотелось бы поверить в это наблюдение, так как именно я в свое время, может быть, в начале 80-х годов, посоветовал молодому Марку присоединиться к кружку Щедровицкого, что он и сделал, принимая участие в ОД-играх, начавшихся в конце 1979 года.

Но увы, кроме нескольких ссылок на выступления Марка в ходе ОДИ, я не могу найти между его историческими трудами и СМД-методологией никаких реальных связей. Все работы Марка, которые мне известны, посвящены в большей степени задачам десталинизации истории советской архитектуры. Эта десталинизация, или критика административно-командной системы партократии И. В. Сталина, разрушившей начало архитектурного конструктивизма в СССР, стала центральной темой самого Мееровича и его друга и единомышленника Д. Хмельницкого. Но если Хмельницкий в своих статьях и книгах основное внимание обращает на непосредственное участие Сталина в выборе направления архитектурных идей и стиля, Меерович сосредоточивает свое внимание на жилищно-коммунальной политике сталинской империи.

Достаточно показательно, что в итоговой книге Мееровича «Наказание жилищем» (2008) нет ни одной ссылки на Г. П. Щедровицкого или СМД-методологию. Если бы Е. Багина была права, хоть какие-то следы связи идей автора с СМД-методологией в ней наверняка присутствовали бы.

Так что изучение реальных идейных влияний на историографию Мееровича нашей науке еще предстоит уточнить. Разоблачение партократии в сфере жилища Марк строит на документах, а не отвлеченных концепциях методологии. И делает это с поразительной силой и точностью.

Общим для работ Мееровича и Щедровицкого можно назвать лишь самую проблему социального управления, которая в 70-х годах выходит на первый план социологии города и дизайна жилой среды.

Но в отличие от работ, строившихся на информационно-коммуникативных концепциях и социологических

исследованиях городского образа жизни тех времен, Меерович берет за основу вменявшийся массам и профессиям образ жизни, подчиненный бюрократии, озабоченной скорейшей индустриализацией страны. И в этом образе жизни смешаны идеи монастыря средних веков и трудового лагеря XX века.

Работая в Иркутске и занимаясь преподаванием вместе с К. Лидиным, Меерович одно время даже примкнул к популярной для советской архитектуры идее типологии образа жизни. Но вместо типологии образа жизни, измеряемой количеством квадратных метров на человека, наличием сантехники и прочих элементарных удобств, Меерович и Лидин пытались построить типологию личностей разного социокультурного профиля, что уводило их мысль от реальных вопросов современного массового проектирования к утопиям XVIII–XIX веков. И эта линия ими вскоре была забыта.

Годы творчества Мееровича в Иркутске совпадали с годами работы в городе выдающегося мастера советского модернизма В. А. Павлова. Но никаких следов влияния Павлова в трудах Мееровича я тоже не нашел.

